

ЛЮДИ ФАКТЫ СОБЫТИЯ

СЕКРЕТА НЕТ, НО ЕСТЬ... СЕКРЕТ

Назначенное свидание откладывалось раз, другой, третий. Жесткие клещи съемок лишили возможности распоряжаться своим временем народного артиста СССР, одного из ведущих актеров Ленинградского Большого драматического театра Владислава Игнатьевича Стрельчика.

Ратушная площадь Таллина заставлена щитами с его портретами. Точнее — портретами его героя Хайдена — мэра города, в котором происходит действие. И, естественно, в час состоявшегося, наконец, свидания мой первый вопрос о роли Хайдена в картине режиссера «Мосфильма» И. Гостева «Европейская история».

— Ну, нет. Ни о фильме, ни о роли — ни полслова.

Владислав Игнатьевич категоричен. И я не смею настаивать. Можно понять актера, отказывающегося говорить о том, чего еще нет.

Переключаемся на тему, которая давно «навязала в зубах», но продолжает занимать многих.

— Артист театра, он же — артист кино. Что вы думаете об этом современном гибриде, родившемся от «сиречения» двух профессий, близких, но разных.

— Не очень с этим согласен. Профессия все-таки одна: актер. Но в театре он подчиняется одним законам, в кино — другим.

— Об этом и речь. Например, такой высокопрофессиональный артист театра, как Сергей Юрский, в своей книге утверждает, что артистом кино так и не стал. Механический «марсианский» глаз кинокамеры его замораживает, сковывает...

— С утверждениями этими знаком, но простите... им не верю. Не собираюсь изобличать Сережу в притворстве. Вероятно, к таким выводам его привели попытки разложить на составные части сложный, но неделимый творческий процесс.

Почему-то считается хорошим тоном утверждать, что секретов мастерства в сущности нет, или их нетрудно раскрыть. Но это ведь неправда: любое мастерство таит в себе секрет необъяснимый. Был у нас когда-то портной со странной фамилией Затирка. Он никогда

мерок не снимал и примерок не признавал. Походит вокруг артиста, оцупает его, потом приносит готовый фрак — сидит идеально, без единой морщинки. Но разве он мог объяснить, как это получается? Почему же вы требуете от актера, чтобы он рассказал, как сделал ту или иную роль?

— Положим, не требуем, а только пытаемся дознаться. Идет, скажем, в БДТ спектакль «Цена» А. Миллера. Выходит на сцену Грегори Соломон — девяностолетний старик. И если бы исполнитель роли не был известен заранее, не скоро распознаешь в Грегори Соломоне артиста Стрельчика. Где взял он эти старческие руки, голос, походку, даже выцветшие глаза? Но вот в том же театре идет другой спектакль: «Ханума». И зал восторженно аплодирует совсем другому Стрельчику — его обаятельному, искрящемуся всеми красками живой плоти князю Вану Пантиашвили... На экране телевизора — балет-завораживание трагический. И это тоже Стрельчик... Трудно устоять перед соблазном заглянуть в творческую лабораторию, где вершатся таинства такого полного перевоплощения.

— Перевоплощения, говорите? (Кстати, тот же Сергей Юрский утверждает, что перевоплощаться не нужно). Поверьте: я не ищу перевоплощения. Сосредоточен на одном: увидеть, услышать, понять человека, которого должен сыграть. А как я этого добиваюсь, право же, объяснить не могу. У каждого актера — свой ход к роли. Покойный Ефим Захарович Капелян, слушая на репетициях режиссера, рисовал человечков, пока не появлялся из-под его карандаша единственный человек, про которого он точно знал: это его герой. Евгений Лебедев тоже рисует, ищет в разных поделках крупницы того, что потом вынесет на сцену. Я рисовать не умею. Но должен музыкально услышать, как говорит, дышит, ходит, например, 90-летний старик. Можно, конечно, приклеить бороду, усы. Но мне это ничего не дает. А что дает? Старик, «подсмотренный» в толпе прохожих? Увиденный на полотне художника? Собственная ин-

туиция? Не знаю. И не верю в то, что другие актеры знают.

— Но рассказывают об этом убедительно.

— Так ведь у них профессия такая: владеть искусством убеждения.

— Вы согласны с тем, что в последние годы в театральной жизни наметился какой-то спад, что ли? Меньше стало спектаклей, вызывающих бурную полемику, реже слышатся новые голоса в режиссуре. Что это: закономерное чередование взлетов и спадов? Или может быть, все-таки сказывается «кино-телезависимость» актеров и режиссеров? Известно, что Ермолова в тот день, когда играла Жанну д'Арк, никого не принимала, в разговоры не вступала — настройка на вечерний спектакль была для нее святым делом. А что приносит на спектакль актер, едва успевший разгримироваться после трастовой репетиции на телевидении?

— Мы живем в век небывалых скоростей, стремительных ритмов. Процесс адаптации неизбежно связан с какими-то потерями. И они, безусловно, есть. Но адаптироваться нужно! Актерам тоже. Поэтому у них появились иные способы настройки на роль, на вхождение в образ. Ныне покойному Виталию Павловичу Полищайко, например, перед спектаклем надо было «выплеснуться» — он шумел, пел. Мне часто приходится участвовать в гастрольных концертах Аркадия Исааковича Райкина. Он «уступает» мне первый номер в концерте, а сам вслушивается за кулисами, насколько удалось мне завладеть вниманием зала. Я лично должен слышать по динамику «насыщение» зала перед спектаклем. Словом, у каждого актера свой способ собираться. Живи Ермолова в наши дни, она, наверное, тоже отказалась бы от творчества, нашла иной способ «накопления».

— Как относится к тому, что его актеры активно снимаются в кино, Георгий Александрович Товстоногов?

— В принципе, хорошо относится. Он только против того, чтобы мы снимались в плохих фильмах и плохих ролях.

— Что нового в планах БДТ?

— Театр на днях уезжает на гастроли в Япо-

нию. Идет работа над оперой Александра Колкера «Смерть Тарелкина». Ее ставит Георгий Александрович Товстоногов.

— Оперу? С драматическими актерами?

— Вот именно.

— Скажите, Владислав Игнатьевич, если бы в театрах возродилась традиция бенефисов, какую из сыгранных (или еще не игравшихся) ролей вы бы выбрали для своего бенефиса?

— Отвечу без колебаний: Сальери в «Амадеусе» Питера Шеффера. Это моя самая новая роль в театре, и она мне очень дорога.

— Еще один вопрос типа «если». Предположим, вы вошли в состав жюри, просматривающего фильмы последних лет. Какому предлагаете присудить Гран-При?

— «Неоконченной пьесе для механического пианино» Никиты Михалкова. И еще финалу, который он придумал для своего фильма «Из жизни И. И. Обломова».

— А кому из актеров?

— Скорее всего, Олегу Янковскому. Честно говоря, я не был подготовлен к такому его раскрытию. Он буквально ошеломил меня в «Полетах во сне и наяву».

— Вопрос последний, весьма щепетильный. Как вы относитесь к прессе, оценкам критиков?

— Не буду лукавить. Меня их высказывания далеко не всегда устраивают, вне зависимости от того, хвалят или ругают. Не люблю критиков-ситуантов (если такого слова нет, его надо бы ввести). Огорчаюсь поспешности выводов. Не люблю заумных рецензий, авторы которых очень стараются продемонстрировать свою эрудицию, как бы претендуя на соискание ученой степени. К мнению критиков, свободных от этих недостатков, прислушиваюсь, их оценками дорожу. Ну, а теперь прошу меня извинить — пора на съемку.

С. СТАВИЦКАЯ.

На снимке: съемочная площадка. У артистов Владислава Стрельчика и Юозаса Будрайтиса короткий перерыв. Фото Ф. Ключика.